

Национальное и культурное наследие в контексте политики памяти в Республике Алтай и Монголии

Наталья Владимировна ДЬЯЧЕНКО

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, natalia-dyachenko79@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному исследованию особенностей использования исторического прошлого для конструирования национальных идентичностей и туристического брендинга в контексте политики памяти в Республике Алтай и Монголии. Определено, что неотъемлемой частью исторической памяти этих регионов является археологическое наследие пазырыкской культуры, сакрализованные памятники кочевой культуры. Формой сохранения традиций, имеющих общий исторический нарратив, остаются национальные праздники: Чагаа-Байрам и Цаган-сар, а также Эл-Ойын и Наадам. Символический ряд советского периода актуализирован событиями военной истории, знаковыми фигурами регионов являются Чингисхан и Г.И. Гуркин.

Ключевые слова: Монголия, Республика Алтай, политика памяти, национальная идентичность, религиозная идентичность

Для цитирования: Дьяченко Н.В. Национальное и культурное наследие в контексте политики памяти в Республике Алтай и Монголии // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 48–59. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/48-59>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/48-59>

National and cultural heritage in the context of memory politics in the Republic of Altai and Mongolia

Natalia V. DYACHENKO

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, natalia-dyachenko79@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the comparative study of the use of the historical past for the construction of national identities and tourist branding in the context of memory politics in the Republic of Altai and Mongolia. It is determined that an integral part of the historical memory of these regions is the archeological heritage of the Pazyryk culture and sacralized monuments of nomadic culture. National holidays: Chagaa Bayram and Tsagan-sar, as well as El Oyn and Naadam remain a form of preserving traditions with a common historical narrative. The symbolic series of the Soviet period is actualized by the events of military history, the iconic figures of the regions are Genghis Khan and G.I. Gurkin.

Keywords: Mongolia, Republic of Altai, politics of memory, national identity, religious identity

For citation: Dyachenko N.V. National and cultural heritage in the context of memory politics in the Republic of Altai and Mongolia // Oriental Institute Journal. 2023. No. 3. P. 48–59. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/48-59>

Особую историческую и культурно-цивилизационную роль в развитии евразийского пространства играет тюрко-монгольский мир, включающий Большой Алтай – макрорегион, охватывающий территории крупнейших государств: России, Монголии, Казахстана и Китая. Большой Алтай как колыбель народов алтайской языковой семьи, исторический центр тюрко-монгольского мира, прародина тюркских народов, является исторически важным регионом для понимания сложных процессов, связанных с историей Центральной и Внутренней Азии. Изучение и сохранение культурно-исторического единства тюркских и монгольских народов на многонациональной территории включает конструирование национальных идентичностей и интерпретацию локального исторического прошлого. Нарративное осмысление исторического прошлого "Большого Алтая" имеет не только географическую составляющую, но и историко-этнографическую, поскольку этим понятием обозначается место культурно-цивилизационной интеграции народов Большой Евразии.

Настоящее сравнительное исследование политик памяти в Республике Алтай и Монголии не претендует на полноту освещения вопроса и выводов. Мы видим свою задачу в том, чтобы на основе изучения научной литературы и отчасти соб-

ственных полевых наблюдений выделить особенности использования исторического прошлого для конструирования национальных идентичностей и туристического брендинга. В выборку вошли преимущественно регионы, относящиеся к Северной и Восточной части Большого Алтая, что позволило рассмотреть, как общие исторические процессы, по-разному проходя на обширных территориях, отражались в локальной исторической памяти. Особенностью конструирования национальных идентичностей является традиция сопоставления с соседями, что обусловило применение сравнительного подхода для получения возможности увидеть общие и специфические тенденции в формировании политики памяти.

Республика Алтай и Монголия – перекресток древних и современных культур кочевой ойкумены Внутренней Азии. Неотъемлемой частью исторической памяти и мифопоэтического сознания народов этого региона Большого Алтая является археологическое наследие. На высоте около 2500 метров над уровнем моря у пересечения государственных границ России, Казахстана, Китая и Монголии на плато Укок, а также в урочище Пазырык (Республика Алтай) и на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай) археологами обнаружены замёрзшие погребальные комплексы, относящиеся к пазырыкской культуре скифского времени (IV-III вв. до н.э.) [8, с. 12]. Оставленное пазырыкцами культурное наследие настолько притягательно и неповторимо, что до сих пор является частью живой культуры современных тюркских и монгольских народов, видящих в её представителях своих предков [12, с. 44]. Археологические источники являются обязательной частью экспозиционного материала региональных и столичных музеев Монголии, в частности, Музея Ховдского аймака, экспозиций музея Гоби-Алтайского аймака в г. Алтай, Монгольского национального исторического музея в г. Улан-Батор.

Важное значение для актуализации в национальной идентичности пазырыкской культуры имеет сохранность материального наследия. В Национальном музее Республики Алтай имени А. В. Анохина в специальном помещении, в соответствии с профессиональными и этическими нормами с учетом интересов и верований коренного населения Республики Алтай, размещен биологический объект – мумия женщины пазырыкской культуры, получившей в народе имя "Укокской принцессы". Экспонирование мумии проводится по определенному графику. На сайте музея директор поясняет причины ограничений: "Следуя традициям и обычаям алтайского народа, музей составил график экспонирования мумии женщины Пазырыкской культуры VI-II вв. до н.э., получившей в народе имя Укокской "принцессы". В традиционной культуре алтайцев, сложившейся в процессе длительной этнической и культурной истории, повседневное поведение человека в окружающем мире определяется с учетом лунных фаз, времени суток и сторон света. Единицей измерения месяца у алтайцев служило время между двумя новолуниями. Месяц делился на два периода: айдын январь (новая луна) и айдын эскизи (старая луна). Дни новой луны от третьего до пятнадцатого считаются благоприятными для проведения различных общественных, семейных мероприятий и религиозно-культурных обрядов, важных начинаний. Дни, когда луна на ущербе, считаются неблагоприятными, особенно последние – "дни черной луны". Считается, что это время активности темных сил, злых духов" [19].

Плато Укок относится к археологическим местам исторической памяти алтайцев. После проведения археологических работ в 1993 г. и транспортировки мумии в музей Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) на республиканском уровне инициировались дискуссии по поводу правомерности проведения археологических раскопок, в том числе против исследований на плато Укок в Кош-Агачском районе, в результате был введен мораторий на проведение археологических работ на юге Республики Алтай. В ходе реинтерпретации археологических артефактов в республиканской прессе появились различные трактовки феномена "принцессы Укока". Согласно одной из версий, знаменитая археологическая находка – это Очы Бала, легендарная богатырша – защитница алтайского народа. С образом "принцессы" на Алтае связывают апокалиптические сюжеты. Среди местного населения бытует мнение, что археологические раскоп-

ки, в результате которых была потревожена "принцесса Укок", привели к катаклизмам экономического и природного характера. Причиной очередного всплеска интереса к "эпической героине" стало землетрясение 2003 г., произошедшее в Кош-Агачском районе. По инициативе местных властей Укок имеет статус особо охраняемой территории, включающей природные, историко-культурные комплексы и объекты, имеющие высокую рекреационную, эстетическую ценность: "в территорию парка входит высокогорное плоскогорье Укок, а также части окаймляющие его северные макросклоны горных хребтов Южного Алтая, Сайлюгема и массива Тавын-Богда-Ола, в котором расположена высочайшая точка Юго-Восточного Алтая – г. Намрайдал (41117 м. над уровнем моря)" [11]. Природный парк "Зона покоя Укок" был создан постановлением Правительства Республики Алтай от 23 мая 2005 г. для сохранения одноименного объекта Всемирного Природного Наследия ЮНЕСКО "Золотые горы Алтая".

Актуализация древнего прошлого включена в туристическое брендинг региона. Древние образы в настоящее время активно используются в оформлении туристических объектов и в сувенирной продукции. Мотивы рисунка татуировок, покрывавших мумифицированные тела, стали популярны при изготовлении сувенирной продукции, например, изображения фантастических животных: копытных с клювом грифона, стилизованные рога козерога и оленя, головки грифонов. Подобными рисунками было украшено левое плечо "принцессы Укока". Мумия Принцессы Укока – одна из главных туристических достопримечательностей Республики Алтай. Туристические компании включают древние образы в программу проводимых мероприятий. Ежегодно в разгар туристического сезона на Алтае, с 1 июля по 24 августа, в популярном туркомплексе "Царская охота" в с. Барангол проводится Фестиваль кукол – международная выставка-продажа авторской художественной куклы, принцесса Укока является центральной фигурой экспозиции. По данным экспертного опроса, проведенного в 2021 г. учеными Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, Принцесса Укока ("Алтайская принцесса") – один из символов Республики Алтай. В качестве "мест памяти" ее выделили 18% и плато Укок 6% респондентов из Республики и Алтайского края [2, с. 28]. К объективным факторам воспроизводства этнического самосознания, влияющим на формирование *национальной идентичности*, относятся природно-климатические условия и "природный потенциал" региона, традиционные механизмы воспроизводства способов жизнедеятельности: воспитание в семье и формирование исторической памяти. В Республике Алтай и Монголии суровость условий заключается в резко континентальном климате при суточных перепадах температур от 0 до + 40 С; низкой влажности, с очень жарким летом и холодной, малоснежной зимой. Характеризуя природно-климатические условия Западной Монголии Д.В. Ушаков отмечает: "Практически отсутствует гумусный слой плодородной почвы, малое количество деревьев и скудная растительность в условиях высокогорья обуславливает недостаток кислорода, а весной нередко сильные ветра и пыльные бури. Традиционными занятиями сегодня, как и в древности, остается кочевое и отгонное пастбищное животноводство как достаточно рациональный способ природопользования и выживания для людей в данных условиях" [16, с. 165].

У кочевников передача большинства традиций от поколения к поколению происходит в семье, а традиционный жизненный уклад во многом диктуется необходимостью адаптации общества к суровым природно-климатическим условиям территории проживания. Логика сопряжения прошлого с национальным нарративом имеет немало общего в культурно-историческом пространстве номадов. Горно-Алтайский государственный университет и новосибирский Институт философии и права СО РАН в 2007–2009 гг. начали проведение этносоциологических исследований "Роль семьи в формировании межэтнической толерантности у народов Алтае-Саянского региона (на примере Республики Алтай и Республики Монголия)". В ходе массовых социологических опросов были получены данные о значительном преобладании позитивных межэтнических установок монгольской

молодежи в отношении к русским, алтайцам и казахам [14, с. 69]. В 2011 г. и повторно в 2014 г. с применением той же методики были опрошены молодежь и взрослое население столицы Улан-Батора, в 2012 г. – жители Увс аймака, в 2013 г. – Западной Монголии (Баян-Улгийского, Ховдского и Увс аймаков). Вновь полученные данные с незначительными изменениями подтверждали результаты первого исследования. На основе социологических опросов и данных переписи населения учеными отмечается высокая степень актуализации этнической идентичности среди монголов и алтайцев, несмотря на процессы глобализации. При этом население Западной Монголии выразило антипатию к китайцам и немцам, что обусловлено исторической памятью о войнах, приверженность этой традиции сохраняется как среди взрослого населения, так и среди молодёжи [15, с. 203].

Среди алтайцев рост этнического самосознания субэтнических групп и их мобилизация вокруг идеи национально-культурного возрождения происходили в 1990-е гг. параллельно научному осмыслению и пересмотру устоявшихся концепций структуры алтайского этноса в самом алтайском сообществе [17, с. 220]. Итогом этих процессов стало включение кумандинцев, тубаларов, челканцев, телеутов и теленгитов в 2000 г. в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Указанный список этнических категорий был употреблен и в ходе переписи 2010 г., однако с той разницей, что руководство республики добилось включения теленгитов, тубаларов и челканцев в состав алтайцев по принципу "группа – подгруппа", и тем самым сумело снять проблему с однозначной этнической идентификацией. Кумандинцы и телеуты были учтены как отдельные народы. Этническая самоидентификация населения Республики Алтай осуществляется в русле моноэтнической идентификации. Она имеет высокий уровень национального самосознания, позитивный этнический статус. Вместе с тем, по данным социологов, респонденты алтайцы и казахи демонстрируют несколько более высокую степень субъективной актуальности этнической идентичности в сравнении с респондентами-русскими [6, с. 295].

Воспроизводство национальной идентичности весьма тесно сопрягается с религиозным компонентом, берущим начало от традиционных верований. В социалистический период, несмотря на всю сложность социально-политических процессов, религиозные общины Монголии и Ойротской/Горно-Алтайской автономной области (1932–1990 гг.) смогли сохранить основы своей *религиозной идентичности*. Для Монголии и Республики Алтай остается актуальным сохранение сакрализованных памятников кочевой культуры – языческих сооружений на местах отправления общественных культов. Обоо – конусовидная груда камней, наиболее распространенный тип маркировки сакрального объекта у кочевников Внутренней Азии. Сакрализация обоо в Монголии закреплена национальной властью на законодательном уровне. В 2004 г. президент Монголии Нацагийн Багабанди издал специальный указ "О государственном культе божеств гор и обоо". Первыми в списке обоо, имеющих общемонгольское значение, стали древние святыни горы Богд-хан, Алтан Хохий, Бурхан Халдун, Отгон-тэнгэр, Алтан-обоо. Возле главной горы Монголии Оттонтэнгэр, господствующей над священным для монголов горным хребтом Хангай, каждые четыре года обряд поклонения совершает сам президент Монголии вместе с членами правительства. Государственный обряд сакрализации совершался и относительно целого ряда вершин на территории Западной Монголии, таких, например, как гора Сутай и гора Алтын-хухий-уул [5, с. 133].

Сохранение экологического равновесия и биоразнообразия в природе для монгольских и тюркских народов Большого Алтая остается неотъемлемой частью культурного наследия. Кочевая культура была ориентирована на максимально неконфликтное сосуществование с природой, а хозяйственная деятельность носила характер безотходного производства с циклом полной утилизации. Главные элементы картины мира монголов и алтайцев – культ неба, гор, водных источников, дерева. Культ обоо это жертвоприношение, совершенное небу на священной горе. Сохраняющие свое значение разнообразные ритуалы, связанные с почитанием священных гор, воспроизводимые в религиозных практиках монголов

и алтайцев, свидетельствуют о высокой значимости традиционных верований, которые актуальны, несмотря на влияние буддизма в Монголии и бурханизма в Республике Алтай. Горы – главный элемент алтайского ландшафта, а сама Белуха как высшая точка Алтайских гор издавна считается сакральным местом, "трехглавым символом" Республики Алтай. Ключевым актором, инициирующим развитие культурной инфраструктуры, остаются республиканские власти. Постановлением Республики Алтай от 31 декабря 2015 г. был учрежден первый в России геопарк "Алтай". Геопарк "Алтай" расположен на территории Кош-Агачского, Онгудайского и Усть-Коксинского районов, на площади в 14,5 тыс. кв. км. Чуйский кластер геопарка Алтай (территория бассейна реки Чуя) характеризуется наибольшим географическим разнообразием и ландшафтной дифференциальностью, это единая горная страна Монгольского Алтая, разделенная государственной российско-монгольской границей, связанная общей геологической историей, природно-климатическими и физико-географическими особенностями, а также региональным историческим нарративом.

К механизмам актуализации древнего прошлого активно используемым гидами, сопровождающими туристические группы, относятся ленты, подвязанные на деревьях. Для монголов и алтайцев актуально сохранение архаичной традиции подвязывания цветных лент на деревьях в качестве подношений. С распространением буддизма в Монголии вместо ленточек стали подвешивать шелковые или полотняные флажки (дарцоги) с изображениями магических рисунков и заклинаний, а иногда и с именем дарителя. Алтайцы совершают обряд подвязывания лент (кыйра, более древнее название – дьалама) для того, чтобы выразить почтение духам той или иной местности. К таким местам относятся: целебные источники, верхние точки перевалов, священные природные места. Иногда на дорогах Алтая можно наблюдать кучу камней, в которую воткнута палка или небольшое срубленное деревце. Именно на них вяжутся в этом случае ленточки. Так делается в Кош-Агачском районе, где деревьев почти нет, поэтому используется их имитация. Также среди алтайцев сохранились мифологические представления, которые связаны с тем, что священные места находятся под особым покровительством духов гор – туу ээзи, рек – суу ээзи, озер – көл ээзи, перевалов – ажу ээзи, отдельных урочищ – жер ээзи, целебных источников – аржан ээзи. К мнемоническим ландшафтам и сакральным территориям у алтайцев и монголов, являющимся наглядными природно-символическими носителями и выразителями общих устоев традиционного мировоззрения евразийских народов, можно отнести российское плоскогорье Укок и западно-монгольскую долину Эрдэнэбурэн.

Одной из форм сохранения культурных традиций остаются национальные праздники. У народов Внутренней Азии, ориентированных на буддизм (алтайцев, монголов, тувинцев, бурят, калмыков и др.), национальный обряд встречи Нового года связан с календарной традицией празднования: Чагаа-Байрам (Белый праздник, алт.), Цаган-сар (монг.), Шага (тув.), Сагаалган (бур.). Алтайский Чагаа-Байрам празднуется по лунному календарю, в период новолуния, и приходится на конец января – начало февраля. Точной фиксированной даты нет, имеется смещение до марта, как, например, у монгольских народов [10, с. 157]. В основе обряда, исполняемого во время празднования, лежит традиционный ритуал кормления огня и духов (санг салар). Дата проведения Чагаа-Байрам определяется ежегодно указом Главы Республики Алтай на основании Закона Республики Алтай от 24 апреля 2003 г. "О праздничных и памятных днях, юбилейных датах в Республике Алтай" в один из трех первых четных дней новолуния и является нерабочим праздничным днем. В этот день во всех муниципальных образованиях проходят народные гуляния, праздничные концерты и спортивные состязания. В Монголии Цаган-сар также официальный праздничный выходной день. Основным отличием празднования от алтайцев является посещение буддийских монастырей в предпраздничные и праздничные дни. На схожесть проведения национальных праздников оказала влияние не только традиционная культура, но и общий исторический нарратив. На официальном сайте Республики Алтай отмечено, что "историю возникновения

праздника Чагаа-Байрам относят к правлению Хубилая, внука Чингис-хана, первого императора династии Юань к 1267 году, когда по его велению начало года начали отмечать с месяца чаган (цагансар)" [7].

Летний межрегиональный праздник алтайского народа "Эл-Ойын", название которого переводится как "всенародные игры, всенародный праздник", проводится по инициативе как властей, так и туристических организаций. В ходе праздника организуются театрализованные представления, выступления сказителей эпоса и мастеров горлового пения, конкурс-смотр национальных стилизованных костюмов и др. Спортивная часть праздника включает национальные виды спорта: борьбу куреш, набивание жестка (тебек), стрельбу из лука (карчагасайны), поднятие камня (кодургеташ) и другие соревнования. Захватывающим зрелищем всегда становятся конные скачки и обездка лошадей. В советский период праздник не проводился, а был возрожден только в годы перестройки. Официальный сайт Республики отмечает, что "первый раз "Эл-Ойын" отметили в Онгудайском районе в 1988 году в с. Ело. Здесь в 1756 году 12 алтайских глав родов составили письмо императрице Елизавете с просьбой принять в подданство Российской империи малочисленный алтайский народ, которому грозило полное уничтожение со стороны Китая" [7].

Подобный монгольский праздник "Наадам" – праздник скотовода, отмечаемый в середине лета, – берет свое начало еще со времен империи Чингисхана. Его название означает "игры". Наадам празднуется каждый год по всей Монголии, во время праздника проводятся традиционные скачки, борьба и стрельба из лука. Все национальные праздники сопровождаются семейными застольями.

Наиболее актуальными для сравнения региональных политик памяти Республики Алтай и Монголии остаются события и фигуры социалистического периода. Нарративное осмысление социалистического прошлого включает памятники эпохи как символы советской идеологии. Значительным элементом национальной мнемонической повестки указанных регионов является *коммеморация жертв политических репрессий*. Нарратив о репрессиях в Западной Монголии и Республике Алтай имеет региональную специфику, обусловленную началом коллективизации. Память о коллективизации связана не только с созданием колхозов, но и усилением налогового нажима и антирелигиозной кампанией, которые стали основными причинами восстаний в марте 1930 г. в Западной Монголии и Кош-Агачском аймаке Ойротской автономной области [3, с. 88]. С этого времени в Монголии и Ойротии начались политические репрессии. Будучи, как и везде, остро дискуссионной, тема массовых политических репрессий занимает важное место в повестках политик памяти этих территорий. Ежегодно 30 октября в России и 11 сентября в Монголии отмечается как День памяти политических репрессированных. В Улан-Баторе у подножия горы Сонгино-Хайрхан расположен Мемориальный Музей жертв политических репрессий, открывшийся в 2015 г. Памятник жертвам политических репрессий в Горно-Алтайске был установлен в 1994 году в районе гардинно-тюлевой фабрики, на месте, где в январе 1989 г. было обнаружено захоронение расстрелянных в 1930-е гг. Памятный знак жертвам политических репрессий – "Расколотый крест". Площадка у памятника, на которой происходят траурные церемонии, была благоустроена городской администрацией. На местном уровне жертвы политических репрессий выступают в общем коммеморативном ряду с жертвами Великой Отечественной войны и локальных войн. Примером может выступать парк памяти жертв политических репрессий – мемориальный комплекс в с. Майма (пригород г. Горно-Алтайска). Мемориал открыт 29 октября 2005 г. на месте старого кладбища, существовавшего с 1810 по 1962 гг. В мемориальный комплекс входят памятник жертвам политических репрессий (на гранитных стелах – имена майминцев из Книг Памяти), памятник майминцам, погибшим в локальных войнах. Траурные церемонии проходят, как правило, 30 октября, иногда – 22 июня. Памятник казахам, репрессированным в 1930-е гг. в Кош-Агачском аймаке, был открыт 1999 г. в с. Жана-Аул.

Символический ряд советского периода в большей степени актуализирован событиями военной истории. Центральными пунктами коммеморативной повестки выступают совместные действия советских и монгольских войск на Халхин-голе и Великая Отечественная война. С 1979 г. музей маршала Г.К. Жукова в Улан-Баторе тесно связан с почитанием этого легендарного русского полководца. Рядом с музеем находится мемориальный парк с памятником Георгию Константиновичу, на небольшой площади перед самим музеем выставлены два артиллерийских орудия. Саму битву Халхин-Гол представляет карта с фотографиями разных героев этих боев. В 2019 г. в районе боев на Халхин-Голе совместно с Россией создан масштабный мемориальный комплекс, включающий в себя памятник монгольским воинам и образцы бронетехники, установленные на постамент. Советское наследие в Монголии также тесно связано с идеей защиты от притязаний КНР в 1970-е гг. В ноябре 2019 г. была закончена реконструкция мемориального комплекса в городе Чойр, за которым в СМИ закрепилось название "Слава русскому солдату", где в период с 1969 по 1989 г. дислоцировалась 41-я Особая мотострелковая дивизия Советской армии [9, с. 136].

Мемориальный комплекс "Парк Победы" (бывший мемориал боевой Славы) памяти воинов, погибших в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны, расположен в Горно-Алтайске. В остальных населенных пунктах республики память о войне представлена мемориальными объектами с фамилиями погибших воинов. Местом памяти водителей СовАвтоБийска, погибших на крутых бомах Чуйского тракта при перевозке грузов по труднопроходимой транспортной артерии международного значения в годы Великой Отечественной войны, стал скромный мемориал, созданный по инициативе шоферов в конце 1970-х гг. на сложном участке 744 км Чуйского тракта, в Онгудайском районе Республики Алтай. В народе мемориал получил название "Памятник Кольке Снегирёву". В 2012 г. по инициативе главы Республики Алтай А.В. Бердникова, на месте прежнего памятника была создана специальная площадка с постаментами, установлена памятная доска, автомобили военных лет – ГАЗ-АА и Форд. Мемориальный комплекс получил название "Памятник водителям Чуйского тракта". Подтверждением того, что порой жертвы политических репрессий выступают в общем коммеморативном ряду с жертвами Великой Отечественной войны, служит фрагмент текста на мемориальной доске: "Чуйский тракт – это память о многих людях, которые были репрессированы и трудились в тяжелейших условиях на строительстве этой дороги", в память о заключенных 7-го отделения Сиблага.

С падением социалистического режима в Монголии и России происходит трансформация символического пространства. Политика памяти в Монголии на первом этапе национал-социализма (1991–1996 гг.), использует следующие коммеморации: Монгольская империя, личность Чингисхана, веревочное письмо, концепция "Монгол хун – баатар" (монголы – это богатыри), победа над японцами при Халхин-Голе. Второй этап: с 1996 по настоящее время смена внешнеполитического курса на сближение с Россией и восстановление исторических связей. В этот период монгольское правительство разрешает восстанавливать памятники советской эпохи, активно сотрудничает с российским правительством, министрами и системой образования. Ключевыми акторами, участвующими в борьбе за символическое пространство современной Монголии, являются российские и монгольские государственные структуры, монгольские политические партии, монгольские демократические и правозащитные НПО, Русская православная церковь, российские военно-патриотические организации [9, с. 129]. В системе политической символики все большее значение стали приобретать буддистские символы, в частности Соёмбо, с 1924 г. изображавшийся на флаге страны. Большое распространение приобрел буддийский символ Гаруда (например, на гербе Улан-Батора) – покровителя священной горы Богд-хаан-уул. Символ Гаруды в современной Монголии почти механически заменил изображение пятиконечных звезд на воротах ведомственных учреждений. Белый грифон Кан-Кереде (Гаруда) с головой и золотисты-

ми крыльями птицы и туловищем льва также расположен в центре герба Республики Алтай.

В феврале 1990 г. был демонтирован памятник Сталину, стоявший напротив Национальной библиотеки в Улан-Баторе, после начали сносить памятники В. Ленину, разрушили Музей комсомола. В СМИ стали распространяться статьи и работы о репрессиях 1937 г. при участии СССР и МНРП. Актом, призванным продемонстрировать окончательное вытеснение социалистических символов власти символами власти новой, стал снос с центральной площади Улан-Батора в 2005 г. мавзолея с останками лидеров социалистического периода Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана и установка 40-ка метровой статуи Чингисхана в 2008 г. Последний памятник Ленину был снят в 2012 г. В тоже время, после президентского указа о реабилитации и возвращении наград и званий Ю. Цэдэнбалу, в 2006 г. были созданы памятники и его жене А.И. Цэдэнбал-Филатовой, продолжает работу музей им. Ю. Цэдэнбала в Улангоме.

В Республике Алтай политика памяти сочетает коммеморацию личностей советского периода с национальными знаковыми фигурами. Так, памятник В.И. Ленину, установленный в 1958 г. на центральной площади г. Горно-Алтайска, соседствует с памятником художнику и общественному деятелю Г.И. Чорос-Гуркину, открытым в 2006 г.

История и историко-культурные символы и образы в целом для политической элиты постсоциалистических стран выступают важным источником легитимации демократического режима. Главным маркером, подчеркивающим центральное положение Монголии в рамках "монгольского мира", является "знаковая" фигура Чингисхана. В современной Монголии сложился нарратив, призванный провести прямую связь между великим ханом-основателем империи и современной монгольской государственностью. Изображения или имя Чингисхана можно увидеть на государственных символах, национальной валюте, названиях центральных улиц и площадей, популярных товарах и местах массового отдыха. Попытки даже частичной "приватизации" Чингисхана другими этносами или государствами встречают яростное сопротивление и критику со стороны общественности Монголии.

Многие ученые и политические деятели обращаются к истории как к объясняющему фактору. Одни склонны рассматривать империю Чингисхана в качестве важнейшего объяснительного материала для постсоциалистической демократизации. Данная мысль нашла свое выражение и в словах президента Монголии Ц. Элбэгдоржа, который в своем послании участникам международной научной конференции по изучению Чингисхана в 2012 г. заявил, что "демократический выбор был основой Великой Монгольской империи" [13, с. 58]. Чингисхан был поставлен в центр постсоциалистической национальной идеологии Монголии, а его образ начал рассматриваться с позиций текущих политических задач и интересов. В национальном нарративе личность Чингисхана должна была разрушить междуплеменные барьеры и объединить монгольский народ [18, с. 61]. Сформированная система парламентской демократии легитимизировалась через отсылки к Великому Курултаю 1206 г., провозгласившему Тэмуджина Чингисханом и сформировавшему Их Монгол Улс. За короткий период в стране появились аэропорт "Чингисхан", площадь Чингисхана, мемориалы Чингисхана, его портрет отпечатан на национальной валюте. Личность Чингисхана включена в экспозицию многих музеев Монголии, а в 2019 по решению премьер-министра У. Хурэлсуха был создан национальный музей Чингисхана в столице.

Знаковой фигурой Республики Алтай в региональном масштабе сопоставимой по символическому значению с Чингисханом в Монголии является Григорий Иванович Гуркин (псевдоним – Чорос-Гуркин). 72% экспертов из республики Алтай и Алтайского края отметили Г.И. Гуркина в качестве наиболее значимой исторической личности при конструировании коммеморативных практик [2, с. 28]. Основными акторами коммеморации выдающегося представителя национальной культуры Республики Алтай Г.И. Чорос-Гуркина (1870–1937 гг.) являются обще-

ственные и государственные структуры, деятели культуры. Символическое содержание образа Гуркина включает не только творчество художника, но и факт его активного участия в националистическом движении, попытке объединения русского, монгольского и китайского Алтая в республику с центром в Улале [1, с. 293]. Возрождение памяти о Гуркине началось в 1996 г. Постановлением Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай дом-усадыба художника Г. И. Чорос-Гуркина в с. Анос Чемальского района была отнесена в перечень особо ценных памятников истории и культуры. Музей основоположника национального изобразительного искусства, ученика И.И. Шишкина и политического деятеля был открыт 12 января в 2006 г. в день его рождения. Усадьба, в которой жил и творил до 1937 г. Гуркин, обвиненный в "контрреволюционной повстанческой деятельности" в пользу Японии – филиал Национального музея имени А. В. Анохина. Акторами коммеморации выдающегося представителя национальной культуры выступают и общественные организации. Общественная премия имени Чорос-Гуркина с 1991 г. присуждается ежегодно фондом "Оностогы курее" и редакцией республиканской газеты "Алтайдын Чолмоны" за достижения в области литературы и искусства, в спорте, в социальной сфере, за вклад в развитие республики. Ее торжественное вручение проводится в день рождения художника. Государственная премия Республики Алтай имени Г. И. Чорос-Гуркина в области литературы и искусства присуждается с 2005 г. за создание особо значимых произведений литературы и искусства, реализацию творческих и исследовательских работ, внесших выдающийся вклад в развитие культуры Республики Алтай.

Имя Гуркина закреплено в топонимике столицы республики, в январе 1995 г. появилась одноименная центральная улица города. 5 июля 2006 г. в рамках празднования вхождения Горного Алтая в состав России в центре Горно-Алтайска был открыт памятник Г.И. Гуркину, его именем назван Колледж культуры и искусства. Ежегодно 12 января в г. Горно-Алтайске у памятника Чорос-Гуркину проводятся мероприятия, посвященные дню его рождения. В приветственных речах представителей власти отмечается, что Григорий Иванович всегда выступал за право алтайского народа быть равным и свободным в составе великих народов, за сохранение его национальной культуры, языка и быта. Завершает мероприятие возложение цветов к памятнику. Имя Чорос-Гуркина (с 1937 г.), как и упоминание Чингисхана, в период социализма было табуировано. Британский монголовед Кристофер Каплонски обращает внимание на то, что почти в любой книге социалистической эпохи есть раздел о Чингисхане, а статьи о нём и его времени появлялись в научных изданиях и даже поощрялись, т.е. нельзя говорить о полном его изгнании из общественного дискурса и памяти [20, с. 151]. Но на волне национально-демократической революции 1989–1990 гг. произошло "возвращение Чингисхана", определившее становление новой посткоммунистической монгольской идентичности [9, с. 130]. Как Чингисхан, ставший символом, объединяющим в единую нацию многочисленные монгольские племена, так и фигура алтайского художника остается объединяющим фактором в современных процессах формирования национальной, территориальной и религиозной идентичности Республики Алтай. В.П. Алексеев отмечает, что "образ Чорос-Гуркина значительно вышел за пределы художественного дискурса и впервые в своей истории получил право эксклюзивной символической репрезентации всего Алтая, а не только его отдельных географических объектов" [1, с. 303].

К общему культурному наследию выделенных регионов относится Центрально-Азиатская экспедиция 1923–1928 гг., проведенная Николаем, Юрием и Еленой Рерих. Маршрут экспедиции проходил в том числе через Гималаи, Тибет, Северо-Западный Китай, Алтай и Монголию. С 7 по 19 августа 1926 г. экспедиция останавливалась на территории усадьбы В.С. Атаманова, в старообрядческом селе Верх-Уймон (ныне Усть-Коксинский район Республики Алтай). Из Верх-Уймона совершались радиальные выходы для изучения культурных объектов Горного Алтая, традиций и верований народов, проживающих на его территории [4, с. 79]. Помимо общения с местными жителями, случались и встречи с сибирскими уче-

ными, творческой интеллигенцией, приходившими в селе Верх-Уймон. Здесь же были написаны многие главы из книги Учения Живой Этики "Община". С сентября 1926 г. по март 1927 г. Рерихи жили в Улан-Баторе.

Роль мнемонических акторов в сохранении памяти о пребывании Рерихов во Внутренней Азии выполняют общественные организации – Монгольское и Сибирское Рериховские общества, а также деятели науки и культуры. В 2001 г. на усадьбе В.С. Атаманова был открыт мемориальный Дом-музей имени Н.К. Рериха. Также в честь великого художника названы пик и перевал на Алтае. 6 июля 2009 г. был открыт дом-музей семьи Рерихов в Улан-Баторе. В музее размещаются репродукции рериховских картин и творческие работы. Дома-музеи Рерихов выступают координаторами в организации коммеморативных мероприятий. В Санкт-Петербургском государственном Музее-институте семьи Рерихов в 2021–2022 гг. проходила выставка "Чаша неотпитая. Монголия", приуроченная к 100-летию установления дипломатических отношений между Монголией и Россией. Соорганизаторы выставки – Государственный музей Востока (Москва) и Дом-музей семьи Рерихов (Улан-Батор).

Ресурсы культурно-исторического наследия важны при формировании национальной идентичности нового поколения представителей народа, который создаёт артефакты культуры в процессе своей жизнедеятельности. Хранителями культурных образцов человеческой деятельности, материальных артефактов, несущих информацию, содержащую историческую память народа, выступают музеи, мемориальные объекты, национальные праздники, "знаковые" фигуры. В то же время мнемонические акторы предполагают информационную трансляцию компонентов культуры как внутри выработавших её народов, так и представителям других народов, носителям иных культурных ценностей. Использование сравнительного подхода в изучении национального и культурного наследия в контексте политики памяти в Республике Алтай и Монголии дает возможность увидеть общие и специфические тенденции, помогает понять многослойность политики памяти.

Литература

1. Алексеев П. В. Г. И. Чорос-Гуркин как *genius loci* в современных дискурсах национальной и региональной идентичности (случай с наименованием аэропорта в Республике Алтай) // Диалог культур: поэтика локального текста. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2018. С. 291–304.
2. Дерендяева А. Д. Региональная идентичность в контексте политики исторической памяти: опыт Алтайского края и Республики Алтай / А. Д. Дерендяева, Ю. Г. Чернышов // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2021. № 6 (122). С. 24–31. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2021\)6-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2021)6-03).
3. Дьяченко Н. В. Восстания в Западной Монголии и Кош-Агачском аймаке Ойротской автономной области РСФСР в 1930 г. как последствия коллективизации и антирелигиозной борьбы // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (44). С. 83–88.
4. Забровская М. В. "Замечательные сердца": Н.К. Рерих и творческая интеллигенция в Сибири 20-х гг. XX в. / М. В. Забровская, Е. Ю. Широкова // Г. И. Чорос-Гуркин и современность. Горно-Алтайск: БНУ РА "Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2020. С. 77–84.
5. Иванов А. В. Священные земли монгольского и российского Алтая и отношение к ним местного населения // Монгольский мир: между Востоком и Западом. Новосибирск: Автограф, 2014. С. 132–143.
6. Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков). Горно-Алтайск: Научно-исследовательский ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. 335 с.
7. Культура / Общая информация // Республика Алтай: сайт. URL: <https://altai-republic.ru/culture/general-information/> (дата обращения: 26.05.2023).
8. Молодин В. И. Замёрзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай) / В. И. Молодин, Г. Парцингер, Д. Цэвээндорж. М.: ИД "Триумф принт", 2012. 566 с.
9. Михалев А. В. Символы советского присутствия в постсоциалистической Монголии // Политическая наука. 2020. № 2. С. 126–142. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.06>
10. Ойноткинова Н. Р. Календарные обряды и праздники алтайцев и телеутов: классификация и общая характеристика // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 153–165. <https://doi.org/10.17223/18137083/80/13>
11. Особо охраняемые природные территории Республики Алтай // Республика Алтай: сайт. URL:

<https://altai-republic.ru/about-the-region/prirodnye-territorii/> (дата обращения: 28.05.2023).

12. Полосьмак Н. В. Пазырыкская культура в XXI веке: открытия и гипотезы / Н. В. Полосьмак, Т.А. Чикисева, Д.В. Поздняков. // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 35–46. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2022-108-01-35-46>

13. Родионов В. А. Политический процесс в Монголии в условиях постсоциалистической трансформации. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2018. 340 с.

14. Ушаков Д. В. Республика Алтай как евразийский форпост российско-монгольского сотрудничества // Алтай - Россия: через века в будущее. Т. 1. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. С. 66–70.

15. Ушаков Д. В. Этническая самоидентификация и межэтнические установки населения Северо-Западной Монголии // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Вып. 16. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2015. С. 198–204.

16. Ушаков Д. В. Этносоциальные процессы у народов Западной Монголии в современных геополитических условиях // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Материалы XII международной научной конференции. 2015. С. 163–170.

17. Чемчиева А. П. Феномен множественной этнической идентичности у современных алтайцев // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 217–221.

18. Щербанова Е. Е. Политика памяти в постсоциалистических странах: формирование национальной идентичности в Монголии (1989–2019 гг.) / Е. Е. Щербанова, Н. В. Дьяченко // Педагогическое образование на Алтае. 2022. № 1. С. 59–63.

19. Экспонирование мумии // Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина: сайт. URL: <http://www.musey-anohina.ru/index.php/ru/posetitelyam/afisha/item/403-eksponirovanie-mumii> (дата обращения: 28.05.2023).

20. Kaplonski C. The case of the disappearing Chinggis Khaan: dismembering the remembering // *Ab imperio*. 2005. № 4. P. 147–173. <https://doi.org/10.1353/imp.2005.0166>.

References

1. Alekseev P. V. G. I. Choros-Gurkin as "genius loci" in modern discourses of national and regional identity (the case of the airport name in the Altai Republic) // *Dialogue of Cultures: Poetics of Local Text*. Gorno-Altaiisk: Gorno-Altaiisk State University, 2018. P. 291–304. (In Russ.).

2. Derendyaeva A. D. Regional identity in the context of historical memory policy: the experience of Altai Krai and the Republic of Altai / A. D. Derendyaeva, Y. G. Chernyshov // *Proceedings of Altai State University. Historical Sciences and Archaeology*. 2021. № 6 (122). P. 24–31. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2021\)6-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2021)6-03). (In Russ.).

3. Dyachenko N. V. Rebellions in Western Mongolia and Kosh-Agach aimak of Oirot Autonomous Region of the RSFSR in 1930 as a consequence of collectivization and anti-religious struggle // *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*. 2020. № 3 (44). P. 83–88. (In Russ.).

4. Zabrovskaya M. B. "Remarkable hearts": N.K. Roerich and the creative intelligentsia in Siberia in the 20s of XX century / M. V. Zabrovskaya, E. Y. Shirokova // G.I. Choros-Gurkin and contemporaneity. Gorno-Altaiisk: BNU RA "Scientific-Research Institute of Altaism of S. S. Surazakov, 2020. P. 77–84. (In Russ.).

5. Ivanov A. V. Sacred lands of the Mongolian and Russian Altai and the attitude of the local population to them // *The Mongolian world: between East and West*. Novosibirsk: Autograph, 2014. P. 132–143. (In Russ.).

6. The Construction of All-Russian, Regional, and Ethnic Identity in the Altai Republic (Late XX - Early XXI Centuries). Gorno-Altaiisk: Scientific-Research Institute of Altai Studies of S. S. Surazakov, 2018. P. 335. (In Russ.).

7. Culture / General information // Republic of Altai: website. URL: <https://altai-republic.ru/culture/general-information/> (accessed 26.05.2023). (In Russ.).

8. Molodin V.I. Frozen burial complexes of the Pazyryk culture on the southern slopes of Sailugem (Mongolian Altai) / V.I. Molodin, G. Parzinger, D. Tsevendorzh. Moscow: Triumph Print Publishing House, 2012. P. 566. (In Russ.).

9. Mikhalev A.V. Symbols of Soviet Presence in Postsocialist Mongolia // *Political Science*. 2020. № 2. P. 126–142. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.06> (In Russ.).

10. Oinotkinova N.R. Calendar rites and holidays of the Altai and Teleuts: classification and general characteristics // *Siberian Philological Journal*. 2022. № 3. P. 153–165. <https://doi.org/10.17223/18137083/80/13> (In Russ.).

11. Specially protected natural territories of the Altai Republic // Altai Republic: website. URL: <https://altai-republic.ru/about-the-region/prirodnye-territorii/> (accessed 28.05.2023). (In Russ.).

12. Polosmak N.V. Pazyryk culture in the XXI century: discoveries and hypotheses / N.V. Polosmak, T.A. Chikisheva, D. V. Pozdnyakov. // *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*. 2022. № 1 P. 35–46. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2022-108-01-35-46> (In Russ.).

13. Rodionov V. A. The Political Process in Mongolia in the Conditions of Post-Socialist Transformation.

Ulan-Ude: Publishing house of the Buryat State University, 2018. P. 340. (In Russ.).

14. Ushakov D. V. The Republic of Altai as a Eurasian outpost of Russian-Mongolian cooperation // *Altai - Russia: through centuries into the future*. Vol. 1. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University, 2016. P. 66–70. (In Russ.).

15. Ushakov D. V. The ethnic self-identification and interethnic attitudes of the population of North-Western Mongolia // *Social Processes in Modern Western Siberia*. ISS. 16. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University, 2015. P. 198–204. (In Russ.).

16. Ushakov D. V. Ethnosocial processes among the peoples of Western Mongolia in modern geopolitical conditions // *Natural environments, history and culture of Western Mongolia and adjacent regions. Materials of the XII International Scientific Conference*. 2015. P. 163–170. (In Russ.).

17. Chemchieva A. P. The phenomenon of multiple ethnic identity in modern Altai // *The Turkic-Mongolian world of the Greater Altai: Historical and cultural heritage and the present*. Barnaul: Publishing house of Alt. un-ta, 2021. P. 217–221. (In Russ.).

18. Shcherbanova E. E. Politics of Memory in Post-Socialist Countries: National Identity Formation in Mongolia (1989–2019) / E. E. Scherbanova, N. V. Dyachenko // *Pedagogical Education in Altai*. 2022. № 1. P. 59–63. (In Russ.).

19. Exposure of the mummy // Anokhin Museum: website. URL: <http://www.musey-anohina.ru/index.php/ru/posetitelyam/afisha/item/403-eksponirovanie-mumii> (accessed 28.05.2023). (In Russ.).

20. Kaplonski C. The case of the disappearing Chinggis Khaan: dismembering the remembering // *Ab imperio*. 2005. № 4. P. 147–173. <https://doi.org/10.1353/imp.2005.0166>.

Наталья Владимировна ДЬЯЧЕНКО, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: natalia-dyachenko79@yandex.ru

Natalia V. DYACHENKO, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, e-mail: natalia-dyachenko79@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 05.06.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 22.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023